

Книги Александра Рудацова,
вышедшие в
«Издательстве АЛЬФА-КНИГА»

АРХИМАГ
РЫЦАРИ ПРЕЧИСТОЙ ДЕВЫ
САМОЕ ЛУЧШЕЕ ОРУЖИЕ
СЕРЯЯ ЧУМА
ВОЙНА КОЛДУНОВ. ВТОРЖЕНИЕ
ВОЙНА КОЛДУНОВ. ШТУРМ ЦИТАДЕЛИ
ДЕТИ СУДНОГО ЧАСА
СОВЕТ ДВЕНАДЦАТИ
ШУМЕРСКИЕ НОЧИ
БИТВА ПОЛЧИЩ
ЗАРЯ НАД БЕЗДНОЙ

ПРЕДАНЬЯ СТАРИНЫ ГЛУБОКОЙ
БЫЛИНЫ СЕГО ВРЕМЕНИ

ТРИ ГЛАЗА И ШЕСТЬ РУК
ШЕСТИРУКИЙ РЕЗИДЕНТ
ДЕМОНЫ В ВАТИКАНЕ
СЫН АРХИДЕМОНА

ТРИ МУДРЕЦА В ОДНОМ ТАЗУ
ТАЙНА ПОХИЩЕННОЙ БАШНИ

ЭКИПАЖ

РАСКАЗЫ ИЗ ПРАВОГО БОТИНКА

ВЛАСТЕЛИН

ЗВЕРОЛОВ

АРИФМОМАН. ЧЕРВОТОЧИНА
АРИФМОМАН. В НЕБЕСАХ

ПРИЗРАК

КРИАБАЛ. ТЬМА У ВОРОТ
КРИАБАЛ. СВЕТА В ГЛАЗАХ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АЛЕКСАНДР РУДАЗОВ

КРИАБАЛ.
СВЕТ В ГЛАЗАХ

РОМАН

Москва, 2018
 АРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Р83

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1134

Художник
И. Воронин

Рудазов А. В.

Р83 Криабал. Свет в глазах: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018. — 346 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2763-5

Криабал все еще не собран. Древняя волшебная книга по-прежнему остается разделена на части, и одни только боги знают, где оные скрываются. Могучий берсерк, ловкий полугоблин, искусная волшебница и благочестивый жрец продолжают их разыскивать, подвергаясь все новым опасностям. Тем временем глубоко под землей маленький кобольд добирается до страны цвергов, неся с собой известие о грядущих бедах. В Мистерии продолжает свое расследование агент Кустодiana, чародей-детектив. А по пустыне шагает слепой монах, что преследует страшное зло. Незримо переплетены их судьбы, хотя никто из них пока о том не знает.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Рудазов А. В., 2018
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018

ISBN 978-5-9922-2763-5

ГЛАВА 1

Земля вспучилась. Разверзлась воронка, похожая на огромную кротовину... но высунулся из нее совсем не крот. Из нее высунулись четыре громадных пилообразных бивня, за которыми последовал и их владелец — могучий индрик Трантарикуририн.

— Мы в Яминии, кобольд Фырдуз, — произнес он, крутя жуткой головищей на гибкой, почти резиновой шее. — Страна бородатых двуногих. Это ли место, куда ты хотел попасть?

— То самое. Спасибо тебе, — от души поблагодарил Фырдуз.

— Не за что, не за что. Тебе спасибо. Но дальше ты уж сам, дальше тебе быстрее самому будет.

Кобольд и не спорил. Индрик идет сквозь каменную толщу с удивительной, прямо волшебной скоростью, но это все же каменная толща. Его скорость еле-еле достигает скорости обычного пешехода.

Вот когда земля более-менее мягкая — тут да. В такой индрик плывет почти как рыба в воде. Но Яминия окружена камнем и стоит на камне.

Последний день пути индрик и кобольд вообще еле продирались через эту твердь.

— Удачи тебе на твоем пути, куда бы он тебя ни привел, — напоследок пожелал Трантарикуририн. — А я пойду обратно в глубины.

— И тебе удачи, мой друг, — обнял кошмарную морду Фырдуз. — Может, когда-нибудь еще встретимся.

— Можем встретиться, если хочешь. Можем встретиться. Я не собираюсь пока уходить из этих мест. Я чувствую, что где-то не очень далеко ходит другой индрик. Возможно, это

красивая женщина — и, возможно, я приду к ней по нраву. Я хочу в это верить, кобольд Фырдуз.

— И я хочу в это верить, мой друг. Пусть ты встретишь свою суженую.

— Непременно встречу. Однажды непременно встречу. Если не в этот раз, то в следующий. Ну а пока я буду здесь, ты сможешь позвать меня, если вдруг захочешь.

— Правда? А как?

— У цвергов есть такие большие штуки... которые делают громкий звук... очень громкий...

— Била?.. Колокола?.. Гонги?..

— Не помню название. Очень громкий звук. Такой громкий, что он отзывается в камне и у меня в голове дрожат тонкие косточки. Если захочешь позвать меня — сделай этот громкий звук один раз, потом три, а потом два. Тогда я пойму, что ты хочешь меня видеть, и приду.

Фырдуз подумал, что ему вряд ли будет просто воспользоваться большим цвергским гонгом, или колоколом, или чем-то там, но обещал Трантарикурурину, что сделает это.

Индрик ушел обратно в землю, а кобольд побрел к бездонной пропасти, за которой раскинулась столица цвергов — Хасма.

О, как расширились глаза Фырдуза, когда он увидел этот город! А он-то считал Суркур огромным! Ему-то казалось, что двадцать пять тысяч индивидов в одном месте — это невероятно много!

Он здорово ошибался.

В городе Хасма обитало сто двадцать тысяч цвергов. Сто двадцать тысяч бородатых здоровяков. Страшно представить, сколько сил и труда понадобилось, чтобы выстроить эту громаду.

Тысячи зданий. Великолепных чертогов, склеенных в единый ансамбль, симфонию камня и металла. Хасма выросла в громадной полости, большая часть которой обрывалась пропастью. Она словно стояла на колоссальной ступеньке, уступе в скале. И не столько стояла, сколько была частью этого самого уступа — вырезанная из гранитной толщи, высверленная бесчисленными ходами.

Большинство городов Внизу строится подобным образом.

Через пропасть вел один-единственный мост. Идя по нему, Фырдуз старался не смотреть вниз — дна у пропасти как будто

и не было. Бесконечная черная пустота. Словно опять оказался Наверху и смотришь в ночное небо. На миг Фырдузу даже показалось, что он снова видит те узоры из искр... звезды.

Верхние называют их звездами.

Конечно, бояться не стоило. Мост в свою столицу цверги положили славный. Ажурный и легкий, кажущийся опасно хрупким, он был, однако ж, волшеббно прочен. Такие важные сооружения Нижние строят с применением субтермагии — подземного колдовства. Крепкие, добрые чары были здесь в каждой балке, каждой диафрагме. Быков мост не имел — вряд ли вообще возможно дотянуться до низов этой бездны, — но и устоев хватало, чтобы надежно его держать.

Сами цверги ходили по мосту без малейшего страха. Брели туда и сюда пешком, возили пустые и груженные тачки, ездили на самоходных колясках и гужевых конструктах. На кобольда посматривали с живым любопытством — видно, в Хасме сородичей Фырдуза небогато.

Цвергская стража тоже сразу им заинтересовалась. Скрестив мифриловые протазаны, похожие как близнецы бородачи рявкнули:

— Друг или враг?!

— Друг, друг! — поспешил заверить Фырдуз.

— Хорошо, коли так, — степенно кивнул цверг справа. — Мы здесь поставлены, дабы кидать врагов сразу к центру Парифата.

— Я не враг, Пещерник мне свидетель!

— Что не враг — верим, пожалуй, — согласился цверг слева. — Мелок слишком для врага. Но и что друг — на лице не написано. Как нам узнать, что ты в самом деле друг Яминии?!

— Я очень люблю Яминию и яминцев! — заявил Фырдуз. — Так люблю, что делаю подарки каждому цвергу, с которым познакомился! Вот, примите от чистого сердца, друзья!

Кобольд протянул стражам по тяжелой золотой монете из подобранных в драконьей пещере. Цверги внимательно посмотрели на них и переглянулись.

— Как считаешь, Скильдкхатмерг? — спросил правый. — Друг ли Яминии этот кобольд?

— Лично со мной он уже подружился, — ответил левый, беря монету. — А если он друг мне — наверное, он друг и Яминии.

— Логично, — согласился правый, тоже беря монету. — Проходи, друг Яминии.

Рассыпавшись в благодарностях, кобольд прошел. Спросил еще у стражников, как добраться до дворца короля, и те велели просто идти по самой большой улице, никуда не сворачивая.

Внутри Хасма впечатляла даже сильнее, чем снаружи. Потолок не так высоко, как в Суркуре, зато через каждую сотню шагов солнцешары. Здесь их гораздо больше, чем в родном Кобольдаланде. Там их используют только в оранжереях и подземных садах, а здесь... кажется, здесь их вешают просто так, для освещения.

Неужели цверги настолько плохо видят?

Еще повсюду были конструкторы. Уж кто-кто, а цверги Яминии знают в них толк. Эти искусственные существа исполняли в Хасме черную работу — трудились там, где живые не могут или не хотят. Иногда попадались двуногие, похожие на ходячие статуи, но чаще — многоногие и летучие, приспособленные только для чего-то своего. Мелкие конструкторы подметали улицы, чистили стены, разносили почту, ловили крыс. Крупные — рыли землю, таскали тяжелые грузы, возили цвергов.

Как Фырдуз и надеялся, в столице нашелся храм Гушима. Как и положено, располагался он ниже мостовой, не имел окон, освещался предельно скупой и не был ничем украшен. Жадному Богу не милы пустые украшения — ценности нужно не выпачивать, а хранить в надежно запертых сундуках. А еще лучше — пускать в дело, заставляя деньги приносить новые деньги.

Как Фырдуз и обещал себе, он принес жертву за своего друга индрика. Попросил Владыку Щедрости помочь ему найти жену и породить множество маленьких индричат. Пусть станет в недрах побольше этих добрых зверей.

На алтарь Фырдуз положил один из похищенных у дракона самоцветов. Крупный огненный опал. Жадный Бог принимает в жертву любые ценности, но предпочитает драгоценные камни и благородные металлы.

— Хороший камень, — одобрительно молвил жрец, разглядывая приношение в налобную лупу. — Четыре с половиной большие песчинки, если я что-то в этом понимаю. Владыка Щедрости будет доволен.

Возможно, Гушим и впрямь остался доволен своим преданным почитателем. Однако помочь Фырдузу попасть на прием к

королю он не пожелал. Стражники даже не стали его слушать, а едва кобольд намекнул насчет взятки — потянули из-за спин топоры.

Весь день Фырдуз неприкаянным болтался по улицам. Бродил по большой площади, сиживал в харчевнях, отбедаясь за все дни путешествия и опорожняя все новые кружки фнухха. Слушал болтовню выпивох и сам их расспрашивал.

Довольно скоро он узнал, что попасть сейчас во дворец неизвестному чужаку, да еще и нецвергу — почти невыполнимо. В прежние вот времена добрый король Тсаригетхорн был и впрямь добрым королем. Каждый день ворота дворца распахивались во всю ширь, его величество выезжал на огромном троне-конструкте и был со своим народом. Выслушивал их беды и чаяния, вершил мудрый суд, утешал обиженных, награждал достойных и наказывал преступных.

Но в последний раз такое было годы и годы назад. Сейчас, увы, правитель Яминии слишком стар. Ему триста девяносто лет — даже для цверга это самый закат. Он так дряхл и слаб, что не может и ложки самостоятельно донести до рта.

На деле городом и всей страной сейчас правит уже не король, а два его сына. Только не очень-то лестно о них отзывались в харчевнях. Говорили, что старший — дурак, лодырь и обжора, ничего не умеющий и ничем не занимающийся. Младший не так глуп и ленив, зато напыщенный самодовольный хам. Он занимает должность большого воеводы Яминии и руководит всей ее военной силой, но делает это так, что хуже и не придумать. Вокруг него только льстецы и лизоблюды, а все толковые воеводы в опале.

Что к старшему принцу, что к младшему так просто тоже не попасть. Слишком важные минералы — сидят глубоко, с кем попало не знаются. Фырдуз битые сутки мыкался, да так и не вызнал способа с ними встретиться.

Спал он в ночлежке для нецвергов. Других кобольдов Фырдуз там не встретил, зато уж гномов, вардов, гоблинов и теканов хватало. Были и хобии — утверждали, что из Усэта, но поди их разбери на самом деле.

Рыльца у них у всех одинаковые.

Повстречал Фырдуз и парочку Верхних. Купцов, приехавших торговать знаменитое на весь мир яминское оружие. Зачарованные клинки и субтермагические жажатели. Они-то и подсказали Фырдузу поискать встречи с воеводой Брастомгру-

дом — мол, во всей этой клике он единственный толковый цверг. Остальные сплошь чванные бестолочи.

Наутро, когда уличные солнцешары разгорелись в полную силу, Фырдуз отправился к вышеуказанному воеводе. Тот квартировал не то чтобы на окраине, но и не в центре.

Вначале Фырдуз ахнул, увидев палаты, адрес которых ему назвали. Голова сама собой задралась кверху при виде этих колонн и горгулий. Но потом он узнал, что это не собственный дворец Брастомгруда, а Военный Двор — казарма королевской гвардии. В былые времена она и гвардия и Брастомгруд, ее воевода, были славой и гордостью всей Яминии, но с тех пор, как король одряхлел, их оттеснили на обочину.

Сейчас в королевских чертогах караул несут гвардейцы принцев. Как и их хозяева, они постоянно ссорятся, не зная ни в чем лада. А элитную сотню Брастомгруда превратили фактически в городскую стражу — они в основном ловят ворье и следят за нормальной работой водопровода.

Возможно, именно поэтому их начальник не был так горд, как другие воеводы. Посетители к нему шли валом. В приемной негде было киркой взмахнуть — десятки цвергов сидели и стояли на всяком свободном пятачке. И не молча — они оглушительно кричали друг на друга, яро сражаясь за места в очереди. Казалось, что дело вот-вот перерастет в драку.

Иногда появлялся кто-то из гвардейцев или важных булыжников. Эти шли без очереди, раздвигая простой люд, как индрик раздвигал мягкую землю. А поскольку видеть Брастомгруда желали многие, прождать кобольду пришлось очень долго.

Но в конце концов его допустили в просторный, но заваленный пергаментами кабинет. Брастомгруд, толстый пожилой цверг с бородой до пола, курил трубку — и зелье в ней воняло так мерзко, что Фырдуз едва не закашлялся.

— Гм?.. — нахмурился Брастомгруд, увидев посетителя. — Кобольд?.. Лет десять не видал кобольдов. Что надо?

— Не считите за неуважение, ваше высокопревосходительство... — поклонился Фырдуз.

— Просто превосходительство, — поправил цверг. — Высокопревосходительство — это большой воевода, а я просто воевода. И не мямли, просто говори, что нужно. Дел по горло.

— Послание у меня, ваше превосходительство, — снова поклонился Фырдуз. — Лично королю.

— Можешь отдать мне, — мотнул бородой Брастомгруд. — Я передам.

— Никак не могу, ваше превосходительство. Обещание дал, что лично королю в руки. Больше никому.

— Не до того сейчас королю, — устало посмотрел на кобольда Брастомгруд. — Болеет он. Я сейчас всеми прощениями занимаюсь.

— Это не прошение, ваше превосходительство, а донесение. Очень важное. С меня взяли обещание, что оно попадет королю лично в руки — и больше никому.

— Не морозь мне мозги! — начал злиться воевода. — Что там у тебя может быть такого важного?! От кого донесение?

— От покойного Тревдохрада Оркручи... гетхсторца... — не без труда припомнил фамилию Фырдуз. — Сына... сына... как же...

— ...Сына Брастомгруда... — мертвым голосом закончил Брастомгруд. — Покойного?.. Ты... ты сказал «покойного»?..

— Ва... ваше превосходительство... — так и сел Фырдуз.

Он совершенно забыл имя отца Тревдохрада. Тот называл его всего пару раз, а у цвергов назвища такие длинные, такие зубодробительные...

Фырдуз фамилию-то его еле-еле выучил.

Брастомгруд встал из-за стола, опрокинул трубку и постучал чашей о край. Подойдя к двери, он крикнул, что на сегодня прием закончен, запер ее и повернулся к Фырдузу.

— Рассказывай, — потребовал он. — Говори, что стало с моим сыном.

Фырдуз сжался в комочек. Взгляд у воеводы был недобрый, и тон стал тоже недобрый. А в бороде как будто прибавилось седых волос.

И однако бумагу кобольд по-прежнему не отдал. Тревдохрад взял с него слово, что он передаст ее лично королю в руки.

Но как не поведать отцу о судьбе сына? Фырдуз не отдал бумагу, но все передал на словах. О том, как они вместе бежали с каторги, как Тревдохрад умер от хобийской стрелы, как его похоронили в стенах дома Мошки и как Фырдуз долго-долго добирался до Яминии.

Рассказал он и о том, что видел сам. О хобиях, собравших страшной силы войско. О их мифриловых рудниках. И о кошмарных йоркзериях, с которыми те заключили союз.

Услышав о йоркзериях, Брастомгруд впервые усомнился. Он взял с полки какую-то книгу, полистал и сказал:

— Йоркзерии вымерли еще до Мирового Катаклизма. Не городи крепость из песка, кобольд.

— Я тоже так думал... хотя я даже и не знал, что они вообще когда-то были. Я думал, что это просто страшные сказки для маленьких кобольдят. Но я их видел, ваше превосходительство. Видел своими глазами. У них огромное войско, они стакнулись с хобиями... и они совсем близко. До них лопатой копать, ваше превосходительство.

— И как ты это докажешь? — прищурился воевода.

— Никак. Я не могу этого доказать. И не собираюсь доказывать. Просто если вы мне не поверите, ваша страна погибнет. Рискнете?

Брастомгруд шарахнул кулачищем по столу, и Фырдуз вздрогнул. Кустистые брови воеводы сошлись на переносице, он гневно поджал губы.

Однако в его взгляде промелькнуло и уважение.

— Теперь верю, — угрюмо сказал он. — Я сомневался, что кто-то из твоего народца мог спасти из плена моего сына. Но вижу, хребет у тебя есть.

— У Тревдохрада он тоже был, — рискнул сказать Фырдуз.

— Конечно, он же из Оркручигетхсторцов, — гордо выпятил бороду воевода. — Наш род иных не производит. Но Тревдохрад слишком рано ушел. Ему было всего сто двадцать, он даже не успел оставить сыновей. Кроты заплатят мне за его гибель.

Брастомгруд отпер шкаф и достал большую темную бутылку. Наполнив два кубка густым, почти черным вином, он залпом опорожнил один и протянул Фырдузу второй.

— Выпей, — сказал он. — За упокой моего сына. Пусть будут к нему добры Седой Мертвец и Старшина.

Кобольд осторожно пригубил. Брастомгруд же налил себе еще и стал пить уже медленнее.

Вино оказалось крепким до невозможности. Цверги покупают его у Верхних, но потом еще и сами с ним что-то мутят, превращая обычный напиток в то, что могут пить только цверги. Фырдуз пропустил сквозь сжатые губы всего пару глотков и почувствовал, как в голове начинает шуметь.

— Возможно, насчет йоркзериев ты и в самом деле не врешь, — задумчиво сказал Брастомгруд, покачивая в руке полупустой кубок. — Но нужно убедиться. Мало ли что тебе по-

мерещилось в тех туннелях, тем более... ты в самом деле приехал сюда на индрикe?

— Клянусь Двадцатью Шестью! — заверил Фырдуз.

— Да нет, тут-то я верю, верю... Индрики, ха... Я в юности видал одного. Редкие звери, но удивительные... Нам бы их приручить — так и конструкторов никаких не надо... Горнопроходческих, я имею в виду.

Допив вино, Брaстомгруд с сожалением перевернул пустую бутылку и с интересом заглянул в кубок Фырдуза. Увидев, что тот еле почат, — не рассердился, как боялся кобольд, а вовсе даже обрадовался.

— Больше не хочешь? — уточнил цверг, забирая вино. — Давай допью, чего добру пропадать...

Допив, он заявил:

— Индрики и драконы — звери редкие, но они-то в глубинах водятся, это точно. А вот йоркзерии... йоркзерия я видел только однажды, в детстве...

— Значит, не вымерли все-таки?! — воскликнул Фырдуз.

— ...причем мертвого! — раздраженно глянул на него воевода. — В музее я его видел. Древняя мумия, нашли давным-давно в одной штольне. Высохший был, как... ну... что бывает сильно высохшее?! В общем, надо убедиться, что тебе не примерщилось. Пойдем-ка нагрянем к королевскому волшебнику — он в этих делах как раз дока. Удостоверит.

Само собой, королевский волшебник тоже был цвергом. Очень-очень старым и невероятно морщинистым, с бородой такой длины, что ее несли перед ним шесть жирных крыс.

— Меритедак, профессор Субрегуля, — надтреснутым голосом представился он Фырдузу. — Меритедак, профессор Субрегуля, — представился он и Брaстомгруду.

— Мы уже знакомы, мэтр, — ответил воевода. — И виделись только позавчера.

— Правда?.. — изумился волшебник. — Не помню. Совершенно не помню. Вы ничего не путаете, ваше превосходство?

— Превосходительство, — поправил Брaстомгруд. — Ничего не путаю. У меня к тебе малое дельце, мэтр.

Проталкивая волшебника животом в его покои, воевода поведал Фырдузу, что мэтру Меритедаку без малого пятьсот лет, а это внушительный возраст даже для цверга-чародея. Немудрено, что он плоховато соображает и частенько забывает, с кем разговаривал вчера.

При этом воевода даже не трудился понижать голос.

И однако именно как волшебник Меритедак по-прежнему безупречен. Король, а за ним принцы неоднократно пытались заменить его на другого мага, помоложе, но, даже одряхлевший, Меритедак держался за свою должность мертвой хваткой. Всякого претендента на его место старик вызывал на колдовское состязание — и размазывал в лепешку.

В народе Меритедака прозвали Повелителем Крыс. Питомец института Субрегуль, он умел говорить с любыми животными, растениями, грибами и даже неодушевленными предметами, но больше всего любил грызунов. Половина крыс Хасмы служила профессору Меритедаку.

Прямо сейчас из каждой щели, из каждого темного угла тарачились алые глаза-бусинки. Повсюду валялись сухие корки и обгрызенные деревяшки. Крысы всегда сопровождали волшебника свитой, доносили обо всем творящемся в городе и выполняли его приказы.

Кажется, Фырдуза Меритедак тоже принял за какую-то разновидность крысы. Он улыбнулся ему и слегка потянул за усы.

Кобольд раньше не обращал внимания, но те и в самом деле были точь-в-точь крысиные.

— Какой ты забавный зверек, — дружелюбно сказал Меритедак. — Как тебя зовут?

— Фырдуз, ваша мудрость, — робко ответил кобольд.

Он еще никогда не встречался с живым волшебником.

— Хорошее имя, тебе подходит. Чем я могу помочь, ваше превосходство?

— Мне нужно заглянуть в его память, — ответил Брастомгруд. — Узнать, что он видел в последние дни. Ты ведь это можешь?

— Конечно, могу, конечно... Ничего сложного... — забормотал Меритедак. — Пойдемте... шу!.. шу!.. дайте дорогу, пушистики!

Крыс в следующей комнате оказалось еще больше. Они расступались перед Меритедаком, как вода перед лодкой. Волшебник провел Брастомгруда и Фырдуза к странному предмету, похожему на костяное кресло, предложил кобольду присесть и захоптал вокруг, рассаживая по его спине и плечам крыс.

— Не пугайтесь... не пугайтесь... — приговаривал он.

— Да я не боюсь, ваша мудрость, — заверил Фырдуз.

— Я не тебе, а им, — проворчал Меритедак, глядя своих крыс.

Те облепили кобольда живым кафтаном, щекопча лапками и оглушительно пища. Меритедак принялся их поглаживать и бормотать, а Фырдуз вдруг почувствовал в голове... что-то... он не мог это толком описать. Там как будто дул холодный ветер. Не внутри черепа, а как бы в мыслях.

Через несколько минут Меритедак остановился. Крысы стремительно перебежали с Фырдуза на него, скрылись в бесконечной седой бороде, исчезли в складках пышных одежд. Меритедак закатил глаза, пошевелил губами и произнес:

— Мне понадобится несколько дней, чтобы изучить все воспоминания детально. Но вот я уже вижу... да... ага... хм... очень интересно!.. Вы знаете, что этот забавный зверек ездил на живом индрике?!

— Да, об этом он мне говорил, — ответил Бростомгруд. — Меня интересует не это. Но я не буду говорить что — если он не врет, ты сам догадаешься, мэтр.

Волшебник принялся просматривать то, что извлек из памяти Фырдуза. Он изумленно поведал о встрече с драконом и его сокровищнице — но это Бростомгруда не заинтересовало. Кажется, он был редким случаем цверга, более или менее равнодушного к золоту.

Но потом Меритедак увидел... то самое. Его глаза округлились, а из бороды посыпались крысы. Схватив Бростомгруда за руку, старец иступленно залепетал, что все правда, что прямо под Яминией целая тайная страна йоркзериев.

Воевода сразу как-то осунулся. Это ударило его как бы не сильнее, чем известие о кончине сына. Он минутку помолчал, подумал, а потом велел:

— Подробно рассмотри все, что он видел, и запиши. Это очень важно. А ты, кобольд... ты пойдешь со мной. Я представлю тебя королю.

ГЛАВА 2

Танзен сидел в задних рядах и крутил в пальцах святокуб. Ктототамец, как и большинство волшебников, он использовал этот счетчик молитв не по прямому назначению, а в качестве головоломки. Правильно собрать святокуб — неплохое упражнение на логику.

Танзену было скучно. По долгу службы он обязан был присутствовать на этой лекции, но слушать ее даже не пытался. Лектор, занудный старый пердун, бубнил так монотонно, что глаза сами слипались. Студенты сидели сомнамбулами, машинально царапали перьями в тетрадях.

Более или менее зал оживился, только когда началась переключка. Одного за другим лектор поднимал студентов, скрупулезно отмечал в журнале. Когда оклик сопровождало молчание — с каким-то нездоровым злорадством писал «отсутствует».

— Мессир Остобжи... — вяло произнесил он. — Мессир Пафчек... Медам Пордалли... Медам Ску...

Закончив список, он еще раз пробежался по нему глазами и унылым голосом сказал:

— Так... А кто у нас отсутствовал вчера?.. Так... Мессир Лоске и Пафчек, а также медам Язь-Миаглекх, отчего вы отсутствовали на вчерашнем семинаре?

— Мы сражались с демоном! — ответила Язь-Миаглекх — высокая чернокожая студентка.

— Это не является уважительной причиной, — сухо сказал лектор. — Для сражений с демонами существуют специально отведенные места, которые вы должны посещать в специально отведенное для этого время. Пропускать ради этого мои семинары вам никто не позволял. Я ставлю всем троем на вид и, если подобное повторится, буду вынужден подать рапорт.

Студенты понурились, жалобно глядя на своего профессора. Но мэтр Стедмух — не из тех, кого можно разжалобить. Он сделал отметки напротив всех трех фамилий и строго сказал:

— У вас последний год бакалавриата. Я бы на вашем месте относился к этому предельно ответственно. Помните, что десятеро лучших выпускников станут практикантами лауреатов премии Бриара — это великая честь. Все вы трое имеете реальные шансы войти в эту десятку.

— А если мы не хотим идти на практику? — дерзко бросил Пафчек.

— Вы собираетесь до конца жизни остаться бакалаврами?.. Что ж, ваше право.

Танзен в последний раз повернул святокуб и поднялся со скамьи. Он так и не услышал ничего интересного. Поступил сигнал, что Хохотль Стедмух ведет на своих лекциях крамольные речи, призывает не подчиняться ученому совету и вообще

скрытый агент Зла. Это изначально звучало бредово, но Кустодиан обязан на такие сигналы реагировать.

Но это очевидный навет. Стедмух?.. Нет, кто угодно, только не этот чопорный старикан. Скорее океан пересохнет, чем он подастся в вольнодумцы. Его выводит из себя малейшее отступление от циркуляров.

А уж представить его слугой Бельзедора...

Теперь Танзен проводил дни вот так. Читал письма студентов, обрабатывал слухи и доносы. Иногда за ними что-то стояло.

Чаще нет.

Но пока что самым крупным его делом оставался арест Архида Роко. Тот и в самом деле оказался взяточником и теперь ожидает суда. Поскольку он не кто-нибудь, а профессор, дело будет разбираться на очередной сессии ученого совета.

Впрочем, результат уже ясен. Почтенный член комиссии получит Тюремный Венец и загремит в Карцерику. Вопрос лишь в том, на какой срок.

Выходя из аудитории, Танзен встретился взглядом со Стедмухом. Тот поджал губы и чуть заметно поклонился.

Странно. Не тот он человек, чтобы кланяться студенту — а Танзен сейчас именно в личине студента. Не сам превратился, понятно, — чакры по-прежнему не работают. Взял казенный амулет-перевертыш.

Это очень хороший амулет. У Кустодиана все по первому разряду. Его ведь используют именно для того, чтобы маскироваться среди других волшебников — так что по идее Стедмух не мог его расшифровать.

По идее. На практике же... он все-таки профессор. Профессора — это высшая ступень посвящения, их превосходят только лауреаты премии Бриара (которые, впрочем, тоже профессора). Не исключено, что Стедмух таки заметил, что один из его студентов на самом деле — одышливый толстяк шестидесяти пяти лет.

К тому же Танзена, естественно, не было в списке. Его не поднимали во время переключки. Само по себе это ничего не значит — любую лекцию может посетить любой желающий. Но на лекциях Стедмуха обычно вольных слушателей не бывает, а если кто и забредет случайно — уходит уже через несколько минут.

Пожалуй, не стоит пока закрывать это дело. Стоит понаблюдать еще немного — просто для очистки совести.

Мэтресс Ишан просила Танзена зайти сегодня еще и в ассоциацию волшебных игр. Какой-то у них там спор вышел. Кто-то из деканов, ректоров и даже президентов разрешить его не может — ассоциация объединяет игроков со всех институтов. А созывать ради такой малости ученый совет довольно глупо.

Это действительно оказалась малость. Сущий пустяк, из-за которого, однако ж, куча волшебников вцепилась друг другу в глотки. После очередного расширения рекреативной территории появилась новая спортплощадка — и сразу несколько клубов заявили на нее права.

Дело пытались уладить миром. Как-то разделить время тренировок, организовать таймшер. Сейчас площадка именно так и используется, тремя разными клубами по очереди... но они этим недовольны. Каждый хочет получить ее в полную собственность. Дошло даже до грязной игры — клубы стали откровенно друг другу пакостить, а дважды случались самые настоящие побоища.

Когда на площадку явился Танзен, там как раз разгоралось третье. Хотя волшебник, окинув место беглым взглядом, преисполнился к спортсменам презрением.

Ну серьезно — все из-за этого поля сорняков?

Но все действительно было именно из-за него. И все было очень серьезно. На поле сошлись четыре команды — две полетных и две скользкошарных, а кроме того — десятка полтора игроков в миражату.

И они все орали друг на друга.

Очередь пользоваться площадкой сейчас была у института Ингредиор. Их игра — Скользкий Шар. Молодые телекинетики разделяются на команды от трех до девяти человек и сражаются за идеально гладкий и скользкий шар, стараясь загнать его в кольцо противника. Шар запрещено трогать руками, ногами, головами, клюшками и вообще чем угодно, кроме силы воли. Его перехватывают друг у друга телекинезом, сами либо сидя неподвижно, либо тоже летая над площадкой.

Зачем скользкошарцам вообще площадка, Танзен не знал. Этой игре не нужна твердая поверхность. Основной ее стадион — это вообще не стадион, а бассейн. Так даже безопаснее, если игроки тоже парят в воздухе. На эту площадку ведь не на-

ложены страховочные чары, а студенты далеко не всегда левитируют уверенно.

Но так или иначе, они ею пользовались и желали пользоваться чаще. А сегодня должен был состояться матч двух лучших команд Ингредиора.

Должен был. Он не состоялся, потому что вратарь «Черных сурков» не явился. А вратарь в Скользком Шаре — самая важная часть команды. В отличие от остальных, он не имеет права касаться шара — он держит кольцо. Причем не просто держит, но и двигает, стараясь не дать забить гол.

Пропавший вратарь явился, когда время уже заканчивалось. Оказалось, что его кто-то запер в раздевалке. Он в конце концов освободился, буквально разобрав дверь телекинезом, но времени это заняло порядочно.

И теперь все спорили до хрипоты. «Черные сурки» обвиняли «Рыжих обезьян», что те подло заперли их вратаря, получив таким образом техническую победу. «Рыжие обезьяны» орали, что не делали ничего подобного, что они и так сотрут «Черных сурков» в порошок и готовы это прямо сейчас доказать.

И на них всех кричали две другие команды — полетников. Игра института Бакулюмуст во многом похожа на Скользкий Шар, тоже включая мячи, кольца и полеты над площадкой. Некоторые их даже путают, что выводит из себя как тех, так и этих.

Полетники тоже явились на матч. По расписанию их очередь наступила еще несколько минут назад, и им не терпелось приступить — но скользкошарцы уходить не собирались. Их вратарь, рыжебородый детина-цверг, гневно топал ногами и требовал показать ту кишку, которая посмела его запереть.

Масла в огонь подливали миражатцы. У игры института Престижитариум команд нет, это состязания один на один. Однако места для них требуется порядочно, поэтому миражатцы тоже положили глаз на удобную площадку. Только вот время их поединков не регламентировано, поэтому они плохо вписывались в расписание.

Шумели не только игроки, но и болельщики. Скользкошарные в основном уже разошлись, но некоторые остались — и они кипели от ярости. Полетные только что явились и не успели еще накалиться — но зато их было гораздо больше.

Да и посмотреть на состязания по миражате тоже явились многие.

Танзен не стал лезть в эту бучу. Еще он не разнимал студенческие стенки. Он просто некоторое время стоял поодаль и внимательно смотрел, а потом негромко кашлянул.

— Медам и мессеры... — протянул он. — Позволите предложить решение?

Его сначала даже не услышали — такой стоял гам. Но в конце концов собравшиеся все же обратили внимание на тучного полуседого волшебника. И слегка все же поумерили пыл.

Все игроки были студентами — школярами и студиязусами. Среди болельщиков нашлось несколько магистрантов и молодых преподавателей, но не магистров. А аура Танзена, несмотря на временную недееспособность, сразу выдавала в нем магистра.

Когда он не считал нужным ее скрывать, конечно.

— Мир вам, мэтр, — тряхнул бородой вратарь «Черных сурков». — Вы что-то хотели?

— Хотел спросить, зачем вам вообще это грязное поле, — сказал Танзен.

— В смысле?.. Как это зачем?..

— В прямом смысле. Зачем? У каждого института есть собственная игровая площадка. Правильно оборудованная именно для вашей игры. А здесь нет даже страховочных чар для игры в Полеты. Что, если кто-нибудь грохнется с палки?

Полетники угрюмо загомонили, прижимая к себе метлы, грабли, посохи, копыя, багры и другие предметы с длинной рукоятью. В этой игре не левитируют самостоятельно, как в Скользком Шаре, а парят на летательных артефактах — и очень многие игроки сами летать не умеют.

— Мы используем противоударные заклятия, — проворчал капитан одной из команд.

— Самопальные? Кто из вас их накладывает?

Руку подняла крохотная эльфичка. Кажется, даже не студиязус, а школяр.

— Сколько вам лет, медам? — спросил Танзен.

— Двадцать один...

— Но вы же еще подросток. На каком вы курсе?

— Четвертый базовый...

Танзен покачал головой. Эльфы живут в десятки раз дольше людей, но и взрослеют медленнее. Двадцатилетний человек — это совершеннолетний, зачастую уже имеющий своих детей индивид. Двадцатилетний эльф — по сути, еще ребенок.

И всего лишь четвертый базовый курс. Всего лишь четвертый год начального обучения. Она должна быть весьма талантлива, если уже овладела противоударными чарами.

— Можно ваш артефакт? — попросил Танзен.

С ужасом глядя на него, эльфийка прижала к груди палочку и отчаянно замотала головой.

— Она не в команде, она просто накладывает чары, — произнес капитан, глядя на Танзена исподлобья. — Она умеет, мэтр, честное слово.

— Да уж, должно быть, умеет, раз до сих пор не было травм. Но это запрещено правилами, вам известно? Я могу прямо сейчас дисквалифицировать вас всех.

— За что?!

— За нарушения правил. За игру на небезопасной площадке. За использование чар, наложенных неквалифицированным волшебником. Да еще школяром.

Полетники растерянно переглянулись. Зато скользкошарцы ужасно обрадовались.

Но в следующую секунду Танзен осадил и их. Заявил, что проведение неофициальных, не согласованных с ректоратом матчей вообще недопустимо. Поэтому ассоциация волшебных игр общим решением передает это поле...

— Нам! — возопили миражатцы.

— Нет, — отрезал Танзен. — Вас здесь тоже быть не должно. Ассоциация волшебных игр передает это поле под хозяйственные нужды. Может, здесь сделают испытательный полигон, или делянку волшебных растений, или просто склад с ведрами... я не знаю. Но вас тут не будет. Никого.

Естественно, такое решение не пришлось по вкусу никому. Танзен ухитрился разозлить всех игроков до единого. Они негодовали так, словно он только что положил каждому из них на макушку по коровьей лепешке.

Но зато они перестали ссориться друг с другом. Забылась даже история с запертым в раздевалке вратарем. Танзен несколько минут равнодушно внимал льющемуся на него потоку возмущения, а потом отрубил:

— Решение принято. Расходитесь.

Закончив на этом, Танзен вернулся к проверке профессора Стедмуха. Он по-прежнему ни на дрош не верил, что тот может быть агентом Зла, но это было интереснее чтения студенческих писем.

Танзен изменил свое мнение, пока читал досье профессора. Потрясающе скучная биография. Родился в 1355 году, в 1367 поступил в Спектуцерн, в 1372 поступил на бакалавриат, в 1376 стал бакалавром Спектуцерна и сразу пошел на полевую практику, в 1379 стал лицензиатом Спектуцерна, в 1382 получил место на кафедре, в 1389 поступил на магистратуру, в 1392 стал магистром Спектуцерна, в 1402 поступил на вторую магистратуру, в Детримент, в 1405 стал магистром Детримента, в 1417 получил звание профессора Спектуцерна, в 1430 получил звание профессора Детримента. Старателен и работоспособен как никто, но талант не выдающийся, поэтому премию Бриара так и не получил. Вся жизнь проработал преподавателем, ни разу не был замешан ни в чем хоть сколько-нибудь предосудительном, почти не покидал стены Клеверного Ансамбля, никогда не злоупотреблял волшебством, да и вообще, кажется, считает прикладную магию излишним приложением к фундаментальной.

Перелистнув последнюю страницу, Танзен досадливо закрыл глаза. Он только что выкинул на ветер час жизни. Если и есть в Клеверном Ансамбле волшебник, которого можно ни в чем не подозревать, так это Хохотль Стедмух.

Решив не тратить больше времени на заведомую пустышку, Танзен покинул архивную часть библиотеки. Он решил поискать лучше еще что-нибудь о чакровзрывателях. Со дня магической контузии его не оставляла мысль об этих ужасающих артефактах.

За последние дни Танзен прочел на эту тему уже немало. Вторая Волшебная война отгремела четыре с половиной тысячи лет назад, а за тридцать веков Смутной эпохи утрачено было до обидного многое, но сохранилось все же достаточно.

Излучающие артефакты, обращающие магию против хозяйина. Превращающие его собственные чакры в ядовитые опухоли. Именно они уничтожили Парифатскую империю, и Танзен перелопатил настоящую гору литературы в поисках самого важного — где они находились и по какому принципу действовали.

К сожалению, именно на этот счет в библиотеке ничего не было. Если бы волшебники знали, где искать немногие уцелевшие чакровзрыватели, — так давно бы уже нашли. И уничтожили.

А принцип действия... чакровзрыватели были секретной магией даже во времена Парифатской империи. Даже тогда их тайной владели считанные единицы. Возможно, конечно, с тех пор уцелели какие-то записи, документы, чертежи... но в открытом доступе их не было точно.

В конце концов Танзен обратился к старшему библиотекарю. Человеку, столь преданному своему делу, что не оставил его и после смерти. Древнему духу, само имя которого неразрывно связано с богатейшим собранием волшебных книг — библиотекой Клеверного Ансамбля.

Покойному Инкромодоху Мазетти.

Тот ничуть не изменился с тех пор, как Танзен проходил магистратуру. Именно тогда он общался со старшим библиотекарем в последний раз. Если студиозусам, а тем паче школярам более чем достаточно общедоступной литературы, то магистрантам неизбежно приходится обращаться к закрытой секции. А доступ туда — только через Мазетти, префекта Кустодияна или кого-то из членов ученого совета.

— Принцип действия чакровзрывателей?.. — задумчиво переспросил светящийся призрак. — Необычный запрос, мэтр Танзен. Вы уверены, что вам это нужно?

— Уверен. Я хочу знать как можно больше. И я мог бы получить разрешение у Ледяной Глыбы, но мне не хочется действовать в обход вас.

— Как мило с вашей стороны, — иронично улыбнулся Мазетти. — Что ж, у меня есть один фолиант как раз для вас. Подождите минуточку.

Полученная Танзеном книга оказалась до обидного тонка. Называлась она «Излучающий артефакт. Проект «Апофеоз». Разработки, испытания, применение».

Имени автора на обложке не было. И вообще, судя по всему, написали эту книгу давным-давно — возможно, сразу же после Второй Волшебной войны. Точно не до — в самом конце скрупулезно описывались последствия применения Апофеоза.

Автор избегал говорить о себе. Но по некоторым признакам — он принимал участие в создании чакровзрывателей. Однако раз он сумел написать эту книгу, раз уцелел в окутавшем планету жаре Апофеоза — он не был волшебником. Возможно, какой-нибудь ученый метафизик, теоретик от магии, за природной неспособностью не сумевший овладеть практикой.

Мазетти сказал, что это единственный существующий экземпляр. Самая обыкновенная книга, не гримуар, однако снимать с нее копии запрещено. Когда-то волшебники подумывали уничтожить и ее, но не поднялась рука.

Впрочем, никакой действительно опасной информации там не содержалось. Неизвестный автор явно не хотел, чтобы его читатели сумели сами создать чакровзрыватель. Даже общий принцип действия излагался туманно, полунамеками.

Однако даже полунамеков хватило, чтобы книгу заперли на замок. Как говорят в Мистерии — «усадили пса на обложку».

А под обложку было вшито еще и послесловие, написанное кем-то из современных волшебников. В нем говорилось, что чакровзрыватели — запретная магия. Самая запретная из всех существующих. Гриф абсолютной секретности — ею нельзя даже интересоваться. Самая робкая попытка создать новый чакровзрыватель или запустить один из уцелевших — пожизненная Карцерики.

Дочитав до конца, Танзен крепко задумался. Эта древняя брошюра совершенно точно не могла научить создать чакровзрыватель. Однако дать стартовый толчок могла. В ней все же содержалось чуть больше сведений, чем в общедоступной литературе. Так что всякий, кто интересовался этой темой, обязан был...

— Мэтр Мазетти, у меня к вам еще просьба, — сказал он, возвращая книгу. — Вы можете сказать, кто в последнее время еще ее брал?

— Надо свериться с картотекой... — задумчиво произнес библиотекарь. — Так... угу... все, сверился. Не самая популярная книга. За последние сто лет она выдавалась только дважды.

— Когда и кому?

— В день Бирюзового Волка тысяча четыреста семьдесят шестого года ее брал Трогохо Инквизари, магистрант Темпестадора. В день Деревянного Тигра тысяча пятьсот пятнадцатого года ее брал Ордмунд Альяделли, не волшебник.

Вот теперь Танзен особенно оживился. Магистрант Инквизари не вызвал у него интереса — все-таки сорок лет прошло. Скорее всего, он просто искал что-то для диссертации, и вряд ли теперь это имеет значение.

А вот Альяделли — дело иное. Всего два года назад. Причем не волшебник. Даже волшебнику непросто попасть в закрытую часть библиотеки, а уж обывателю...

Но судя по фамилии...

— Кто выдал ему допуск? — спросил Танзен для очистки совести.

— У него было подписанное разрешение от Ахуты Альяделли.

Естественно. Альяделли — одна из самых старых и могущественных волшебных семей. И самая известная ее представительница — Ахута Альяделли, ректор Субрегуля. Скорее всего, этот Ордмунд Альяделли — ее родственник. В Клеверном Ансамбле очень жесткие требования, поэтому даже в старых волшебных семьях далеко не всем удается сдать вступительные экзамены.

К тому же хватает и таких, кто даже не пытается. Учиться пять лет на базовом курсе, а потом четыре года на бакалавриате и три — на полевой практике?.. Зачем, если ты родился окруженным волшебством и уже прямо сейчас живешь припеваючи? Многие вполне сознательно остаются бездельниками, приживалами при великих родственниках.

Положительно, надо навестить этого Альяделли. Выяснить, кем он приходится ректору Субрегуля, как получил допуск в закрытую секцию и зачем брал запрещенную книгу.

Интуиция подсказывала Танзену, что он наткнулся на реальный след.

— Благодарю, мэтр Мазетти, — поклонился он. — Вы мне очень помогли.

ГЛАВА 3

На огне булькал кожаный котелок. Там варилась бледная мучная похлебка с парой луковиц и ломтем вяленого мяса.

Сегодня брата Массено ожидало настоящее пиршество.

В обычное время он питался только хлебом и водой, изредка позволяя себе немного молока. Но сегодня день Фарфорового Тигра. Все Фарфоровые дни посвящены Люгербецу, а он бог еды и вина. Больше всего Люгербец любит, когда его паства сытно и вкусно ест. Даже жертвы он принимает исключительно пищей и напитками, причем возлагать и возливать их нужно не на алтарь — какой глупый расход продуктов! — а в собственный же рот.

Это Люгербеца очень радует.

Поэтому по Фарфоровым дням (кроме Фарфорового Медведя) даже монахи-аскеты отрешаются от постов и вкушают нечто более сытное.

К тому же Массено был не один. Его сопровождал Идущий Сквозь Время. Он шагал по пустыне отрешенно, почти не раскрывал рта, не делал ни единого лишнего движения и ел еще меньше Массено... но все же ел. Сейчас они сидели напротив костра, прихлебывали мучнистое варево из чашек и тихо размышляли о высоком.

Массено был рад обществу другого монаха. Пусть это служитель не Солары, а Херема — им все равно есть о чем помолчать.

Массено не знал, о чем именно молчит Идущий. Он не спрашивал даже его имени, чтобы не отнять у подвижника ни единой лишней секунды. Массено и самому хватало мыслей. Несколько часов прошагав по барханам, он стал сомневаться, было ли принятое решение мудрым. К чему он ищет эту древнюю башню, какие следы надеется найти там спустя шесть столетий?

Охваченный сомнениями, он обратился к привычному средству — раскрыл в случайном месте Ктаву. Святая книга даровала ему такое откровение:

«Человек есть разумный индивид, чья деятельность осознанна и целенаправленна. Тело человечье воистину хорошо, ибо сконструировано богами, но не совершенно, ибо только боги совершенны, да и то не всегда. Иные разумные индивиды также ведут осознанную и целенаправленную деятельность, и тела их также хороши, но также несовершенны. В иных отношениях человек превосходит других разумных индивидов, а в иных — уступает, и это хорошо, ибо есть много различных вариантов, и каждый хорош. Такова воля богов».

Дыхание Песни, четвертый раздел, одна из самых последних страниц. Иные богословы и толкователи дерзко считают, что ко времени их написания Сакор Дзидоша стал уже слишком стар и мысли его порой путались.

Массено не разделял их мнения, но сейчас не отказался бы от более ясного указания. Хотя и на том спасибо Ктаве, что напомнила азбучную истину: человек разумен и вполне осознает, что делает. Массено следует укрепиться в избранном раз пути и продолжать его, пока не станет очевидно, что он забрел не туда.

Опорожнив котелок, Массено выжал его, вытер насухо и убрал в один из внутренних карманов рясы. Туда же он убрал и чашку. Даже нищенствующему монаху приходится иметь кое-какой скарб, если он вечно в странствиях.

— Пойдем, брат? — обратился он к Идущему.

— Следуй за мной, нунций, — произнес тот, едва размыкая губы.

На самом деле не так уж и нужен был Массено сопровождающий. Да, без Идущего он искал бы дольше, но все равно бы нашел. Восемнадцать вспашек на север — указание достаточно ясное, а обладателю Солнечного Зрения сложно заблудиться на открытой местности. Подняв точку зрения в заоблачную высь, Массено видел пустыню во всем ее великолепии, разглядывал просторы Херемии, словно удивительной подробности карту, божественный чертеж.

А башня волшебника — не кроличья норка. Она заметна издали, особенно посреди пустыни. Массено уже сейчас прекрасно знал, где ее искать, но из учтивости не подавал виду. Не следует отвергать помощь ближнего своего, если тот искренно желает ее оказать.

К тому же несмотря на предельную свою немногословность, Идущий все же поделился полезными сведениями. Он родился, принял обеты и пришел в город Мухзаза уже позже рождения Токхабаяжа-Антикатисто, но до того, как тот навек оставил эти места, отправившись уничтожить Мистерию. Идущий несколько раз видел его в городе и видел, как тот выстроил свою башню. Не глазами, конечно, а тем внутренним зрением, что обретают Идущие Сквозь Время.

Еще он сказал, что за минувшие шесть веков к башне Антикатисто наведывались не раз. Особенно в самом начале, сразу после его гибели. В те времена ее валом осаждали агенты Кустодиана, исследователи и искатели сокровищ.

Потом вал стих. Индивиду продолжали приходить, но все реже и реже. Пока Мухзаза была крупным городом, а имя Антикатисто было на слуху, местные еще водили туда любопытных, но потом желающие поглазеть на древние руины окончательно иссякли.

В последний раз к башне Антикатисто ходил какой-то волшебник и пятеро его слуг — семнадцать лет назад. Слишком давно, чтобы считать их причастными к нынешним событиям.

Однако Идущий сказал, что назад они не вернулись — либо покинули башню иным путем, либо так там и остались.

Массено постепенно опускал точку зрения. Башня Антикато подступала все ближе. Древнее полуразрушенное строение, похожее больше на груду камней. Века не щадят даже жилища волшебников.

Тем не менее кое-что уцелело. Видно было, что это все-таки не просто груда камней. Лишенные стекол окна частично обвалились, на месте двери зиял провал, первый этаж наполовину занесло песком, а третий обрушился совсем, но стены ниже еще стояли, да и второй этаж сохранился неплохо.

Идущий Сквозь Время вряд ли еще чем мог помочь Массено. Он молча уселся прямо на песок, сделал несколько глубоких вдохов и снова стал погружаться в священное оцепенение своего ордена.

Возможно, здесь он просидит следующие шесть столетий.

Массено же вошел внутрь. Не без труда взобрался по крутому склону и задумчиво коснулся Ктавы.

На первом этаже не было ничего, кроме песка. Массено едва не задевал головой потолок — так высоко поднялся пол. Но ни мебели, ни каких-то вещей.

Разве что на стенах... Массено заметил на них надпись. Всего несколько слов — полустертые, но еще читаемые. Явно куда новее самой башни — возможно, оставленные кем-то из посетителей.

Смысла в них было немного. Размашистым почерком стену украшали две фразы:

«Я ЗДЕСЬ, Я ДОБРАЛСЯ! ПОЛДЕЛА СДЕЛАНО, ПОЛДЕЛА ОСТАЛОСЬ!»

Массено это ни о чем не говорило. Еще раз изучив скудную обстановку, он поднял точку зрения выше. Та воспарила над перекрытием, Массено увидел второй этаж... и вот он оказался гораздо интереснее!

Похоже, еще относительно недавно здесь кто-то жил. На полу ни песчинки — только слой пыли, но не очень-то и толстый. Стены тоже исписаны — причем гораздо плотнее и мелким почерком. Есть заваленная ветхими тряпками лежанка и запертый на засов сундук.

И это еще не все. Старые вещи, надписи — в них нет ничего такого. В брошенной башне мог поселиться какой-нибудь пустынный, ушедший от мира анахорет. Оных много на свете,

и следует относиться с уважением к их пути. Массено сам во многом таков — разве что не бежит людского общества.

Но анахореты ведут жизнь тихую и светлую. Здесь же... здесь стены были не только исписаны, но и вымазаны кровью. Кровью же было изображено нечто вроде арки, полукруглого проема, украшенного загадочными символами.

А на полу валялись кости. Множество пыльных человеческих костей.

Массено даже не требовалось подниматься на второй этаж физически. Он прекрасно все видел и так. Но его внимание привлек лежащий среди костей череп. Расколотый надвое и опрокинутый лицом вниз. Кажется, человеческий... но возможен и эльфийский, и оркский, и цвергский. Массено решил рассмотреть его поближе.

Поднимаясь по узкой каменной лестнице, он одновременно читал надписи на стенах. Судя по ним, обитавший здесь был волшебником, но полубезумным.

Причем приставку «полу-» Массено добавил только из вежливости.

Не Антикатиство, конечно. Тот самый чародей, что явился сюда семнадцать лет назад. Большая часть его записей представляла собой бессвязный поток сознания, но и этого хватало, чтобы понять его цели. Он всю жизнь бредил Антикатиство, шел по его стопам, разгадывал его тайны — и в конце концов разгадал!

Об этом он хвастливейшим манером возвещал все на тех же стенах. Кажется, ему требовалось как-то излить в пространство свои мысли, а просто выкриков в пустоту не хватало. Он хотел запечатлеть свои достижения накрепко — и запечатлевал как попало.

Нашел, раскрыл, разгадал! — горделиво возвещали записи. Никто не смог, а я смог, смог, смог! Я, я, я, я!..

Своего имени он, правда, нигде не написал.

В поле зрения Массено появился он сам, шагнувший из дверного проема. Когда-то это ужасно странно смотрелось — видеть пустую комнату, а потом себя, в нее входящего. Но со временем слепец привык и теперь уже плохо помнил, как было иначе.

Он провел свое тело к центру и поднял заинтересовавшийся череп. Обычный человеческий, как и думал. Ничего особенного.

Хотя... а почему у него такая странная грушевидная апертура? Она уже не совсем и грушевидная — скорее яблоковидная. Такой формы отверстия у кориллангов, троллей и некоторых других существ с очень широкими носами... но их черепа и в остальном сильно отличаются. Этот же, если не считать апертуры, совершенно человеческий.

Может, это просто дырка?

Так и не найдя ответа, Массено осторожно положил череп на место. Он продолжал читать надписи на стенах — и те постепенно подходили к чему-то важному. Неизвестный волшебник бурно восторгался Антикати́сто и его достижениями, рассказывал о том, как разыскал его башню, как несколько лет жил здесь, ведя уже собственные исследования.

Он знал, что дом Антикати́сто обыскивали много раз, знал, что все сколько-нибудь ценное отсюда забрали давным-давно — но еще он знал, что ничего по-настоящему ценного так и не нашли. Он верил, что у Антикати́сто где-то был тайник, неустанно искал его... и в конце концов нашел.

Взор Массено остановился на нарисованной кровью арке. Возле нее записи обрывались. Только еще пара кратких фраз на свободных местах, но они звучали просто восторженными повизгиваниями. Массено так и видел этого трясущегося в экстазе волшебника, разгадавшего то, чего не сумел разгадать никто...

Монах сделал шаг к рисунку. Тот не был пыльным. На всем остальном в комнате лежал толстый слой пыли, но только не на кровавой арке. Массено сделал еще шаг. Еще...

...И из арки что-то выпрыгнуло!

Оно метило монаху прямо в горло. Но солнцегляды в таких случаях реагируют инстинктивно, мгновенно срывая повязки с глаз. Массено сорвал ее едва ли не раньше, чем тварь появилась из арки — и в нее ударила волна света!

Тварь не осыпалась пеплом, как нежить. Тела мертвцов сами внутри как пепел — и Солнце лишь дарует им упокоение. Но это существо только покрылось ожогами, точно его обварили кипятком. С визгом и воплями оно забилось, заметалось по комнате — и нигде не могло скрыться от взгляда Озаряющего Мрак.

Агония продлилась недолго. Дымящийся, похожий на вареную обезьяну труп скрючился в углу. Массено вернул повязку на глаза и осторожно подошел ближе.

Он знал множество созданий ночи. Несть им числа. Но таких раньше не встречал.

Сейчас оно выглядит неказисто, но... но в общем мало отличается от мертвого человека. Только черты лица искажены, а кожа и до встречи с даром Солары была словно сваренная.

И нос. Вот у кого такая яблоковидная апертура.

Массено снова обратился к кровавой арке. Не убирая руки с повязки, медленно подошел к ней и еще медленнее — коснулся.

Рука прошла прямо в стену. Монах не стал задерживаться в такой позе — неизвестно, кто сидит с другой стороны. Он тут же сделал еще шаг и оказался... где-то.

Здесь было гораздо просторнее. Уже не комната в башне, а огромный зал. Размером с великий собор Солары в Грандтауне, только вместо пола, стен и потолка клубится черный туман. Точка зрения Массено заметалась, словно не в силах сообразить, где верх, а где низ, — и у монаха закружилась голова.

По счастью, длилось это всего пару секунд. Иначе не быть бы Массено живу — в этом богопротивном месте оказалось еще три точно таких же твари. Увидав человека, они пошли на него — покачиваясь, почти опираясь на руки, как обезьяны.

О Солнце, как же кошунственно они выглядели! Сердце при виде этого ужаса невольно начинало биться быстрее. При том что Массено навидался куда более страхолюдных созданий, те были именно... страхолюдными. Гротескными, обезображенными, зловещими. А эти... они почти и не отличались от людей, но сразу приходило понимание, что это нечто в корне чуждое миру живых, миру человека.

И Массено без раздумий снова снял повязку.

Пустые глазницы запылали, как два солнца. Слепой монах жег божественным светом, пока не спалил всех. Нечисть не могла даже подступиться, приблизиться к страшнейшему своему врагу — вдохновленному богиней Озаряющему Мрак.

Когда Массено истребил всех, то смог спокойно рассмотреть найденный зал. Тайную комнату, хранящую тайны Антикатиство. Что бы ни обратило когда-то волшебника Токхабаяжа в элементаль Тьмы — произошло это явно здесь.

По периметру стояли тусклые черные обелиски. В их глубинах еще мерцали багровые огоньки, но видно было — силу эта магия давно утратила.

Были еще фиолетовые, висящие в воздухе кристаллы. И растущие из черного тумана диковинные лозы с огромными цветами-чашами. И струящиеся вокруг серебристые тени, похожие на очень слабых, видных только в Солнечном Зрении духов.

И алтарь. В самом центре залы стоял залитый кровью алтарь, на котором лежали несколько предметов. Рядом в неестественной позе скорчился скелет — на сей раз несомненно человеческий, с правильной носовой апертурой.

Кости были обглоданы дочиста.

Нетрудно догадаться, что здесь произошло. Идущий Сквозь Время говорил, что к башне приходил волшебник с пятью слугами. То есть всего их было шестеро.

Массено нашел два скелета и уничтожил четырех тварей.

Ему уже доводилось разгребать подобное. Многие волшебники чересчур неосторожны и самоуверенны. Считают, что власть над магией дает им власть над всем сущим, — и не замечают пределов, проложенных вышней силой. На удивление многие из них принимают смерть от тех, кого сами призывают или создают.

И далеко не всегда эти создания потом тоже погибают или убираются восвояси. Многие остаются и чинят вред уже ни в чем не повинным обывателям. Не раз и не два Массено приходилось предавать солнцу эти последствия богопротивного колдовства.

Но вот зачем волшебник обернул в подобную мерзость собственных же слуг? Массено обратил внимание, что сваренные в лучах Солары твари медленно разваливаются, рассыпаются углем, а затем и пеплом.

Значит, все-таки нежить. Только какого-то неизвестного рода. От демонов и близких им созданий остается все же поболее, да и разлагаются они иным образом.

Орден Солнца изучил и каталогизировал почти всю нежить, водящуюся на Парифате. И разделил ее на четыре типа в соответствии с принципом питания.

Первый тип — нежить постящаяся. Личи, зомби, ревенанты, ходячие скелеты и некоторые другие твари, которые не едят вообще. Пищу им заменяет волшебство — собственное или поднявшего их некроманта. Если подобный мертвяк остается без хозяина, то обычно не причиняет никому вреда — про-

сто стоит на одном месте или бестолково бродит, пока не иссякнет оживляющая его сила.

Второй тип — нежить всяедная. Эйнхерии, драуги, хрумги-рактуули, младенища и некоторые другие твари, способные есть то же, что едят живые. Эти, как правило, наиболее разумны, а некоторые даже благи. Далеко не все, конечно, — Массено до сих пор не мог забыть драуга, с которым целую ночь сражался в одном древнем кургане. То было воистину могучее чудовище.

Третий тип — кровопийцы. Вампиры, вурдалаки, стриги, морои и другие кровососущие. Кровь сама по себе им не особенно и нужна — они поглощают жизненную силу, в избытке в ней содержащуюся. Этой краденой жизнью и дышат свое богомерзкое существование. Сама же кровь... вампиры не особо распространяются, что с ней в конечном итоге происходит.

Ну а четвертый тип — пожиратели. Упыри, гули, вендиго, визгуны и прочие твари, поглощающие плоть живых. Конечно, они ее не переваривают — нечем. Просто глотают и ходят с ней внутри. Мясо разлагается, гниет, выделяется трупный яд и прочие смрадные миазмы — и вся эта погань позволяет нежити и дальше мертветь.

Эти создания — несомненный четвертый тип. Пожиратели. Неизвестно, чем или кем их кормил безумный волшебник, но в конце концов они сожрали его самого.

Массено приблизился к алтарю и снизил точку зрения, изучая лежащие там предметы. Два канделябра с оплывшими свечами. Несколько чьих-то костей. Пустая чашка с погнутой вилкой. Медный жезл. Книга.

И странного вида... осколки. Нечто вроде кусков черного стекла или кристаллов с острыми гранями. От них исходили недобрые флюиды — даже Солнечное Зрение меркло, когда монах попытался на них сосредоточиться.

Больше всего Массено заинтересовала книга. Она не имела названия, но на обложке была вырезана пятиконечная звезда. А под обложкой монах обнаружил гримуар — книгу, что есть почти у каждого мастера чародейных дел. Не доверяя одной только памяти, здесь они хранят свои знания и секреты, записывают заклинания, рецепты зелий и ритуальные чертежи.

К сожалению, это был не гримуар Антикатиство. Всего лишь того волшебника, что семнадцать лет назад прибрал к рукам

его башню. Массено и здесь не нашел его имени, зато нашел много чего еще.

Судя по всему, волшебник был не очень-то и могущественный. Не магистр, даже не лицензиат — всего-навсего бакалавр. Просто очень увлеченный и настырный. Он действительно всю жизнь изучал Антикатиство, сумел в конце концов отыскать его тайную комнату и прибрал к рукам кое-что из его имущества.

В том числе — гримуар.

И не просто гримуар. С содроганием в сердце читая неровные строки, Массено узнал, что Антикатиство принадлежал самый могущественный из черных гримуаров. Самая страшная колдовская книга в мире.

Черный Криабал.

Именно с его помощью он обратил себя в воплощение ужаса. Именно с его помощью обрел невероятную силу и едва не уничтожил всю Мистерию. Он хранил его в своем тайнике — и после его гибели Черный Криабал мирно покоился шесть веков.

А потом его нашел этот безумный волшебник. Нашел, даже воспользовался, проводил с его помощью какие-то ритуалы... но бездарным образом утратил. Разве что не плюясь на страницы, чернокнижник рассказывал, что, заполучив такую силу, решил бросить вызов волшебнику Медариэну. Массено много слышал об этом добром чудотворце — возможно, величайшем белом маге Парифата.

И он оказался воистину велик. Ничтожный безумец не сумел победить его, даже владея Черным Криабалом. Медариэн одолел его и отнял гримуар, но убивать не стал. Видимо, преисполнился жалости к несчастному, хотя, судя по записям, благодарности тот не испытывал.

Он вернулся в башню Антикатиство и целых десять лет еще прожил в ней, все дальше уходя по дороге помутнения рассудка. Он все же успел почерпнуть кое-что из Черного Криабала и пытался что-то создать на этой основе — но тщетно. Именно тогда он обратил своих слуг в новый вид нежити.

С каждым годом волшебник делал записи все реже, и были те все бессвязнее. На последних страницах они вовсе превращались в галиматью, а почерк становился почти нечитаемым. Но Массено все же удалось разобрать несколько строк:

«Я болен. Подхватил что-то. Не могу их кормить. Нечем. Они голодны. Их глаза горят. Они все медленнее выполняют мои приказы. Но они обязаны мне повиноваться. Я же их хозяин. Уверен, вс...»

Последняя страница была заляпана кровью.

Вот так бесславно этот волшебник и закончил свои дни. Он не стал вторым Антикати́сто, хотя всей душой к этому стремился.

Массено же... Массено не так и много извлек из его путаных записей. Да, теперь он знал, где и как Токхабаяж стал Антикати́сто, но это не отвечало на вопрос, как тот вернулся к жизни спустя шестьсот лет.

И куда еще важнее — где его искать и что с ним делать?

Массено еще раз перечитал некоторые страницы в гримуаре. Безумный волшебник писал, что вот эти черные осколки на столе — побочный эффект от ритуала обращения во Тьму. По сути, это частички самого Антикати́сто, его кристаллизованная плоть. Потеряв Черный Криабал, волшебник пытался что-то наколдовать с их помощью, но не преуспел.

Массено ничего не мог сделать с этой находкой. Но, возможно, чародеи Мистерии смогут. Многие виды магии основаны на подобии и сродстве — имея волос или обрезок ногтя человека, можно разыскать его или наложить проклятие...

Неизвестно, получится ли что-то такое с этими кристаллами живой Тьмы. Но надо попытаться. Здесь Массено в любом случае больше ничего сделать не может.

Он прихватил также гримуар и жезл. Возможно, волшебники и из них сумеют что-нибудь извлечь.

А если нет... что ж, Массено просто бросит их в выгребную яму.

ГЛАВА 4

— Кто дерзает вступить под своды Ахлавода? — снова раздался глас.

— Не отвечайте ему! — шикнул Плацента. — Пошли, как будто не слышим!

Искатели Криабала попробовали так и сделать. Глас повторился еще дважды, все более настойчиво, но путники продолжали прикидываться глухими.

И тогда перед ними появилось сияющее лицо-маска. Оно висело в воздухе, а вместо глаз и рта зияли пустые отверстия. Перекрыв путь, страж Ахлавода раздраженно сказал:

— Я знаю, что вы меня слышали! По-вашему, я полный идиот?!

— Прости нас, о добрый дух, мы посчитали, что твой дивный голос — просто коллективная галлюцинация, — повинился Дрекозиус. — В последнее время с нами случались и более странные вещи.

— Во мне нет ничего странного. Я просто дух-хранитель Ахлавода. И, если хотите через него пройти, вам придется меня убоготворить.

— Мы понимаем, — поклонился Дрекозиус. — Подскажи, как мы можем это сделать, если будет на то твоя и богов милость.

— Будет. Я на самом деле очень нетребовательный дух. Мне много не нужно. Оставьте мне одного из вас — и идите себе спокойно.

— Можешь забрать гоблина, — без раздумий сказала Джиданна.

— Заткнись, тля! — бешено заорал Плацента. — Почему опять гоблина-то?! И я не гоблин, я полугоблин, стерва!

Дрекозиус печально вздохнул, приложил персты к переносице и промолвил:

— Добрый дух, не согласишься ли ты на некую иную оплату? Как бы ни был счастлив любой из нас навек остаться твоим гостем, это все же слишком высокая цена только за то, чтобы позволить пройти. Уверен, что ты, будучи существом высокоинтеллектуальным, и сам это понимаешь, но просто решил остроумно пошутить над странниками. Вероятно, тебе чрезвычайно скучно целыми днями сторожить эту пещеру, и ты пользуешься любой возможностью, чтобы развеять хандру.

— Вообще, да... — задумчиво согласился дух. — Мне тут действительно дико скучно. Если вдуматься — и зачем мне этот вонючий гоблин-то?..

— Это я-то, по-твоему, вонючий?! — фыркнул Плацента. — Это ты еще моего папашу не нюхал, тля! Рассказать тебе, чем он пах, вонючка ты летучая?!

— А расскажи, — внезапно согласился дух-хранитель. — Расскажи мне интересную историю — только действительно интересную! — и я тебя пропущу.

Плацента что-то невнятно прогундел, но вообще-то предложение показалось ему выгодным.

Всего-то почесать немного языком? Дешево!

— Ладно, тля, — довольно сказал он. — Если тебе так втемяшилось, я расскажу. Уж расскажу, тля. Было это, ярыть, в восемьдесят втором годе, когда я еще в люльке лежал и под себя гномов делал. А, хотя нет. Погоди. Тля... когда ж это было-то?... Погоди-погоди!.. Тля, суета какая-то...

Плацента нахмурился, пытаясь вспомнить, когда случилась единственная в его жизни встреча с отцом. И в конце концов таки вспомнил, что было это в тысяча четыреста девяносто втором, когда ему едва-едва исполнилось одиннадцать. Гоблины и полугоблины взрослеют быстрее людей, поэтому Плацента в том возрасте уже вовсю резал карманы и даже успел пощупать одну нетребовательную потаскушку.

И однажды, когда он вернулся домой — а Плацента тогда еще жил с матерью, — то услышал за дверью спальни знакомые звуки. Его родительница к тому времени уже совсем истрепалась, но иногда ей еще удавалось завлечь клиента из самых неразборчивых.

Это оказался гоблин. Гоблин, тля! Плацента прекрасно знал, что его маман не брезгует этой кривоногой падалью — он все-таки иногда смотрелся в зеркало! — но его все равно до не могу это бесило.

И в этот раз Плаценту прорвало. Он спрятался за рваненькой занавеской, приготовил нож и стал ждать, пока этот вонючий гобло вынет свой волшебный жезл и выйдет сам.

Тот вышел очень быстро. Покряхтел еще минуты две, свалился, еще с минуту бубнил о чем-то за дверью и весело гыгыкнул. Плацента расслышал звон монет и напрягся.

Он уже собирался выпрыгнуть и ударить. Но тут наконец увидел очередного хахалю мамаша... и рука замерла.

Плацента словно смотрелся в зеркало. Довольно кривое и мутное зеркало, в котором отражалось более скрюченное, морщинистое и зеленокожее его подобие... но сходство все же было налицо.

Гоблин тоже это заметил. Он расплылся в кривой ухмылке, назвал Плаценту «сынишкой» и предложил сходить в кабачок.

Там и прошел первый и единственный вечер, который Плацента провел с отцом. Он до сих пор вспоминал его с умилением.